

СКАЗКИ НОВОГО МИРА
.....

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

САБА ТАХИР
«УГОЛЕК В ПЕПЛЕ»
«ФАКЕЛ В НОЧИ»

САБА ТАХИР

ЖНЕЦ У ВОРОТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44
Т24

Sabaa Tahir
A REAPER AT THE GATES

*Печатается с разрешения
литературного агентства ICM Partners.*

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Тахир, Саба.

Т24 Жнец у ворот : [роман] / Саба Тахир ; пер. с англ.
А. Дубининой. — Москва : Издательство АСТ, 2019. —
512 с. — (Сказки Нового мира)

ISBN 978-5-17-108823-1

Империя важнее всего — важнее твоих желаний, дружбы, любви. Любый бунт карается смертью. Если ты не хранишь верность Императору, тебя и твою семью казнят. Таков беспощадный мир, где живет Лайя. Ее старшего брата арестовали за измену и, чтобы спасти его, она проникает в Военную академию Империи. Элиас — один из лучших солдат академии, но втайне он мечтает о другой жизни, о свободе. Когда пути Лайи и Элиаса пересекаются, они понимают, что связаны судьбой. Выбор, который они сделают, изменит будущее всей Империи.

Война приближается к пределам Империи. Война вот-вот начнется внутри нее самой. Элен Аквилла — Кровавый Сорокопут — отчаянно пытается спасти свою сестру, а вместе с ней и всех остальных. Но Император становится все более жестоким. Лайе, которая также пытается предотвратить катастрофу, предстоит пережить предательство, а Элиасу — пожертвовать многим, чтобы стать Ловцом Душ.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2018 Sabaa Tahir
© А. Дубинина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019
ISBN 978-5-17-108823-1

Посвящается

*Ренэ,
которая знает мое сердце.*

*Александре,
которая воплощает мои надежды.*

*И Бену,
который разделяет со мной мечты.*

Часть I

БЕЗЫМЯННЫЙ
КОРОЛЬ

1: *Князь Тьмы*

«Ты слишком сильно любишь, о мой король». Моя королева повторяла эти слова долгими веками, которые мы провели вместе. Сначала с улыбкой. А в последние годы — хмурясь. Взгляд ее задерживался на наших детях, которые носились по дворцу, то обращаясь в пламя, то обретая плоть — маленькие вихри невероятной красоты.

«Я боюсь за тебя, Мехерья, — ее голос трепетал. — Боюсь того, на что ты станешь способен, если кто-то причинит вред тем, кого ты любишь».

«Никто никогда не причинит вам вреда. Клянусь».

Я говорил с пылом и безумством юности, хотя, разумеется, уже тогда не был юн. Даже в тот день, когда ветры с реки откинули назад темные, как ночь, волосы королевы, а по лицу ее струился солнечный свет, подобный жидкому золоту. Он озарял и наших детей, чей смех звенел, наполняя собой наш каменный дворец.

Она была узницей своего страха. Я взял ее за руки.

— Клянусь, я уничтожу любого, кто попытается навредить вам.

— Нет, Мехерья! — В последующие годы я не раз задавался вопросом: неужели она уже тогда знала, во что я могу превратиться? — Поклянись, что никогда так не поступишь. Ты — наш возлюбленный Мехерья. Твое сердце создано для любви. Ты существуешь, чтобы давать, а не брать. Поэтому ты и король народа джиннов. Поклянись.

В тот день я принес ей две клятвы: вечной защиты и вечной любви.

Всего через год я нарушил обе.

На стене пещеры, скрытой от глаз людей, висит Звезда. У нее четыре луча, на вершине зияет узкая трещина. По всей поверхности Звезды бегут тонкие шрамы — память о тех днях, когда Книжники разбили ее и пленили мой народ. Металл нетерпеливо блестит, словно

глаза хищного животного, следящего за добычей. В этом оружии заключена великая сила: ее хватит, чтобы уничтожить древний город. Чтобы уничтожить древний народ. Чтобы пленить джиннов на тысячу лет.

И снова освободить их.

Словно чувствуя вибрации браслета у меня на руке, Звезда тихо отзывается, пытаюсь притянуть к себе недостающую часть. По моему телу идет судорога, когда я поднимаю браслет вверх, и он взмывает к Звезде по воздуху, как серебряный угорь. Выщербленное место стягивается, словно заживающая рана.

Четыре луча Звезды вспыхивают, освещая самые дальние углы гранитной пещеры, и собравшиеся вокруг меня создания злобно шипят. Но тут сияние угасает, остается лишь бледный лунный свет. У моих ног копошатся оборотни-гули.

«Господин... Господин...»

За ними в ожидании приказа застыл Повелитель рэйфов, рядом с королями и королевами ифритов, моря и ветра, песка и камня, воздуха и снега.

Они смотрят на меня, молчаливые и напряженные, и я разворачиваю пергамент, который держу в руках. Он неприметен, как песок. Но не таковы слова, что в нем содержатся.

Я призываю повелителя рэйфов, и он приближается. Он повинуетя неохотно, принуждаемый магией. Постоянно борется, желая освободиться от меня. Но пока что он мне нужен. Рэйфы — обрывки погибших душ, соединенные древним волшебством. Если нужно, они могут становиться совершенно невидимыми. Даже знаменитые Маски Империи их не увидят.

Я протягиваю ему пергамент и слышу ее голос. Голос моей королевы. Едва слышный шепот колеблется, как огонек свечи холодной ночью. «Мехерья, если ты это сделаешь, обратного пути не будет. Надежда вернуть тебя будет утрачена. Обдумай все еще раз».

Я делаю, как она просит. Обдумываю еще раз.

И вспоминаю, что она мертва, что ее уже тысячу лет как нет. Ее присутствие — лишь иллюзия. Ее голос — это голос моей слабости. Я протягиваю свиток повелителю рэйфов.

— Сделай так, чтобы это попало в руки Кровавого Сорокопута, Элен Аквиллы, — говорю я ему. — И больше ни в чьи.

Он кланяется мне, и вперед выходят ифриты. Я велю им отойти: для них у меня другая задача. Остальные преклоняют колени.

— Давным-давно вы дали Книжникам знание, которое привело к поражению моего народа и всего мира духов. — По рядам ифритов пробегает печальный ропот, они тоже это помнят. — Предлагаю вам искупить вину. Отправляйтесь к нашим новым союзникам на юг. Дайте им понять, что за силу они могут вызвать из тьмы. Луна Урожая встанет через шесть месяцев. Я хочу, чтобы вы справились с заданием раньше этого срока. А вы... — обращаюсь я к гулям-упырям, — ступайте, ешьте вдоволь. Не подведите меня.

Когда они все уходят, я созерцаю Звезду и думаю о предательнице-джиннше, которая помогла создать это оружие. Наверное, для человека Звезда сияет надеждой.

Я же чувствую к ней лишь ненависть.

Перед моим внутренним взором всплывает женское лицо. Лайя из Серры. Мои руки помнят ее кожу, ее прикосновения. Я чувствую, как ее руки обнимают меня за шею. Помню, как она закрывает глаза. Ощущаю вкус ее губ. С ней мне показалось, что я стою на пороге своего прежнего дома, проветренного и чисто прибранного. С ней мне казалось, что я в безопасности.

«Ты любил ее, — говорит моя королева. — А потом предал».

То, что я предал какую-то девчонку из Книжников, ничего не значит. Я предавал сотни людей.

Но все же что-то глубоко беспокоит меня. Что-то необъяснимое произошло, когда Лайя из Серры отдала мне свой браслет. После того, как она поняла, что юно-

ша, которого она называла Кинаном, — лишь маска, за которой скрывается кто-то другой. Как и все остальные, она увидела в моих глазах самые черные моменты своей жизни. Но когда я заглянул в ее душу, что-то — вернее, кто-то — посмотрел на меня оттуда: и это была моя королева, смотревшая мне в глаза через столетия.

Я увидел ее ужас. Ее скорбь о том, кем я теперь стал. Ее боль из-за страданий, причиненных Книжниками нашим детям и всему нашему народу.

Я думаю о моей королеве каждый раз, когда совершаю новое предательство. С каждым новым человеком, которого за тысячу лет я успел отыскать, обмануть, заставить полюбить себя и забрать еще одну частицу Звезды. Снова и снова.

Но никогда еще Королева не смотрела на меня из глаз другого. Никогда в мое сердце не вонзался острый меч ее разочарования.

Это всего лишь еще одно предательство. Еще одно.

Но королева говорит со мной: «Не делай этого. Прошу тебя».

Я заставляю ее замолчать. Изгоняю из своей памяти. Думаю, больше я никогда не услышу ее.

2: Лайя

В этом набеге все сразу пошло не так. Мы с Дарином Оба это знаем, но молчим.

Хотя мой брат в эти дни вообще почти ничего не говорит.

Призрачные фургоны, которые нам удалось наконец догнать, остановились возле деревни Меченосцев. Я поднимаюсь из-за тяжелых от снега кустов, за которыми мы прятались, и киваю Дарину. Он хватает меня за руку и крепко сжимает. «Береги себя».

Я использую невидимость — способность, появившуюся у меня совсем недавно. Я еще не очень хорошо умею ею управлять. Пар от дыхания срывается с моих губ белыми облачками, тает, извивается в воздухе, как змея, которую заклинают неведомой песней. Повсюду в Империи распускаются весенние цветы, но здесь, совсем близко к столице, Антиуму, зима еще не отступила и хлещет нас по щекам ледяными руками.

Полночь прошла, несколько фонарей в деревне мигают, ветер крепчает. Добравшись до каравана с узниками, я низким голосом издаю крик полярной совы, которую нередко можно услышать в этой части Империи.

Я крадусь к призрачному фургону, и мою кожу начинает покалывать. Инстинкт заставляет меня резко обернуться. Но вокруг все тихо, ближайший патруль меченосцев даже не смотрит в мою сторону. Все вроде бы в порядке.

«Ты просто слишком нервничаешь, Лайя. Как всегда». От нашего лагеря до границ Земель Ожидания — двадцать миль. Мы с Дарином спланировали и совершили уже шесть набегов на караваны, перевозящие имперских узников. Мой брат не выковал ни одного меча из серрийской стали. Я не ответила ни на одно письмо Араджа, предводителя Книжников, который вместе с нами бежал из тюрьмы Кауф. Но мы с братом, Афией Ара-

Нур и ее людьми за последние два месяца освободили уже больше четырехсот Книжников и кочевников.

Но это, конечно, не гарантирует, что нам снова повезет. Этот караван не такой, как другие.

По его периметру — от деревьев и по направлению к лагерю — движутся знакомые фигуры в черном. Это Афия и ее люди готовятся к атаке, следуя моему сигналу. Их присутствие придает мне отваги. Кочевница, которая помогла освободить Дарина из Кауфа, — тот самый человек, благодаря которому мы вообще узнали о призрачных фургонах и узнике, которого они сейчас перевозят.

Отмычки в моей руке колют ладонь, как ледяные иглы. Шесть кибиток стоят полукругом, посредине — две повозки с провиантом. Большинство солдат занято лошадьми и кострами. Снег вьется вихрями, обжигая лицо. Я подкрадываюсь к первому фургону и начинаю возиться с замком. Отмычки в замерзших руках работают плохо. *Поторопись, Лайя!*

В фургоне так тихо, как будто он пустой. Но я-то знаю... Тишину нарушает тихий плач ребенка, но его быстро заставляют замолчать. Узники уже усвоили урок, что единственный способ избежать страданий — это не издавать ни звука.

— Где все, черт бы их побрал? — слышу я грубый голос совсем рядом и едва не роняю отмычку в снег. Вблизи от меня проходит легионер, и по спине у меня пробегает холодок. Я не решаюсь дышать. «Что, если он меня увидит? Вдруг моя невидимость не сработает?» Такое уже случалось, когда на меня неожиданно напали или я оказывалась посреди толпы.

— Разбудите хозяина трактира! — легионер поворачивается к солдату-ополченцу, который бежит к нему со всех ног. — Велите ему пошевеливаться и приготовить нам комнаты.

— Трактир пуст, господин. Похоже, жители оставили деревню.

Меченосцы обычно не покидают свои дома, особенно посреди зимы. Единственное исключение — если в поселение начался мор. Но если бы это произошло, Афия бы знала.

«Лайя, это не твое дело. Твое дело — открыть замки».

Солдат-ополченец и легионер устремляются к трактуру. Когда они наконец исчезли, я смогла вставить отмычку в замок. Но металл сопротивляется, он замерз и покрыт инеем.

Ну же! Сейчас, когда со мной нет Элиаса Витуриаса, чтобы открыть половину замков, мне приходится трудиться вдвое больше. Нет времени, чтобы думать о моем друге, и все же я не могу побороть тревогу. Его участие в набегах всегда помогало нам не попадаться. И в конце концов, он же сказал, что остается с нами.

О небо, что могло случиться с Элиасом? Он никогда меня не подводил! *По крайней мере, в набегах.* Неужели Шэва узнала, что он помог мне и Дарину и провел меня из дома в Свободных Землях через Земли Ожидания? Неужели сейчас она наказывает его за это?

Я почти ничего не знаю о Ловце Душ. Мне известно, что она замкнутая, и предполагаю, что она меня не любит. Иногда, когда Элиас приходит из Земель Ожидания навестить меня и Дарина, я чувствую, что джиннша следит за нами, но в ее взгляде нет ненависти. Только печаль. Но небеса знают, что я не умею чувствовать скрытую злобу.

Будь это любой другой караван, любой другой узник, я бы никогда не стала рисковать жизнью Дарина и кочевников... И своей собственной.

Но мы стольким обязаны Маме Риле и остальным узникам клана Саиф, что просто не можем не освободить их. Кочевница, приемная мать Элиаса, рискнула и своей жизнью и свободой, и жизнями своих родных, чтобы я смогла спасти Дарина. Я не имею права ее подвести.

Элиаса нет. Ты тут одна. Шевелись!